

ЛЮСИЯ СОЛья
СОБРАЛь

Цветы на ужин, цветы на обед

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
С55

Lucía Solla Sobral
COMERÁS FLORES

Copyright © Lucía Solla Sobral and Libros del Asteroide S.L.U., 2025
All rights reserved

Печатается с разрешения *Libros del Asteroide S.L.U.* Издательство выражает благодарность литературному агентству *Libros del Asteroide S.L.U.* и *SalmaiaLit, Literary Agency* за содействие в приобретении прав.

Перевод с испанского Елены Нестеровой

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Собраль Л. С.

С55 Цветы на ужин, цветы на обед : роман / Люсия Солья Собраль ; пер. с исп. Е. Нестеровой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 288 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-32673-6

Марина, мечтающая о великой любви красавица, недавно потеряла самого близкого человека — отца, но в это время в ее жизнь врывается Хайме — мужчина на двадцать лет старше ее, который окутывает девушку вниманием и осыпает подарками. В считанные недели ее жизнь переворачивается с ног на голову: вместо съемной «хатки», которую она делила с лучшей подругой, шумных вечеринок и дискотек — уютная квартира Хайме, чинная жизнь и ужины вдвоем в ресторане.

Ослепленная утонченной взрослой жизнью и обаянием Хайме, который быстро находит общий язык с ее семьей, Марина все глубже погружается в его мир, понемногу забывая, кто она и чего хочет в жизни.

Написанный от лица главной героини с полным погружением в ее сознание, этот текст балансирует между лирической нежностью и пронзительной обнаженностью. Это роман о разных ликах любви и миражах неравных отношений, о трудностях переживания утраты и о дружбе как надежном убежище.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

© Е. Е. Нестерова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-32673-6

Я твердо знаю пару-тройку вещей, и одна из них — это то, что ты можешь ненавидеть и одновременно любить что-то, чего даже не понимаешь.

Дороти Эллисон

В день, когда умер мой отец, светило солнце и мне хотелось есть. Мой отец умер, а я вышла гулять Фриду. Мой отец был мертв, а я мыла голову, выбирала серьги, примеряла блузки. В этот день мне пришлось купить хлеб точно так же, как и в другие дни, не пережаренный, но и не слишком сырой, развесить одежду, вернувшись из морга, и надеть ретейнеры перед тем, как лечь спать. Этим вечером я видела, как мой племянник плачет и смеется. Я тоже плакала и смеялась. Мы не знали, что делать с горем, от которого больно дышать. По утрам я просыпалась с облегчением. Облегчением от того, что не надо сидеть на стуле для посетителей и ждать смерти. Папа умер, и не нужно ждать, что он умрет еще раз. Я слушала, как он шаркает тапочками по коридору, вставая по ночам в одно и то же время в туалет, но папа мертв, а тапочки в сумке с его вещами, которую мы забрали из больницы. Его телефон продолжал звонить, потому что оператор еще не знал, что папа мертв. Сначала мы не

хотели снимать его номер с обслуживания. Не потому, что он мог вернуться, а потому, что смерть заразна и у нас пропало желание жить или, по крайней мере, предпринимать какие-то действия. Иногда я отвечала на эти звонки. Звонил какой-нибудь рассеянный знакомый и говорил: старина, давненько я тебе не досаждал! И мне приходилось ему говорить, что папа умер, и что да, похороны уже прошли, и что да, несколько месяцев ему было очень плохо, и что да, это понятно, что он не знал, ведь он не видел его на улице, не видел, что он похудел килограмм на двадцать и ходит с палочкой и повязкой на глазу. В другой раз звонил приятель с Альцгеймером, который хотел пригласить его поесть минног. Иногда я ему отвечала, что папы больше нет, иногда — что передам ему. Мама даже сейчас, когда встречается кого-то, кто еще не знает, теряет кровь, стоит пару секунд в замешательстве, разворачивается и уходит, ей кажется, сказав, что папа умер, она опять его убивает. Она не говорит «умер». Никогда. Я тоже долго, много месяцев, не могла этого сказать. Тогда я говорила, что папы нет, он ушел, оставил нас, у меня нет отца, он скончался. Не знаю, правда ли то, что у меня нет отца, но прошло много времени, прежде чем я смогла сказать, что отец, который у меня был, умер.

Перед смертью папа мне сказал: «Мышонок, любовь — это самое главное в жизни». И я так проник-

лась его словами, что у меня перехватило дыхание. Так прониклась, что не спросила, чья любовь, какая любовь, папа, подойдет ли любовь Дианы или нужна другая? Любовь, как у тебя с мамой, когда никогда не ссорятся, или как у Альберто с Беа, которые друг друга ненавидят, но защищают? Любовь, как у тетушки Лоли к бабушке, хотя ей приходится каждый вечер напоминать той, что она ее дочь, или как у тети с дядей, тех, которые не хотят заводить детей и все время путешествуют, а мама кривится, не знаю, то ли из-за того, что у нее трое детей, или из-за того, что только ты хотела поехать в Португалию. Перед смертью папа почти год пролежал в Университетской клинической больнице в Сантьяго-де-Компостела. Мы с братом и сестрой по очереди дежурили у него. Я спала с ним по воскресеньям, понедельникам и вторникам. Три дня и три ночи я не смыкала глаз, а в животе у меня бурлили летучие мыши и остатки пюре. С семи лет я боялась смерти своих родителей, воображая не один раз, сколько мне будет лет, когда они состарятся. Четыре ангелочка у моей кровати, четыре ангелочка следуют за мной, из сорока восьми лет моей мамы вычешь семь моих, будет сорок один, с Богом я ложусь, с Богом я встаю, из восьмидесяти пяти — в этом возрасте умерла бабушка — вычешь сорок один. Мне нужна бумажка. Из пяти вычешь четыре — один, из восьми вычешь четыре — четы-

ре. Дева Мария и Святой Дух. Если папа или мама умрут в восемьдесят пять, мне будет сорок четыре, и Альберто с Беа еще смогут утешить меня и разрешат посмотреть «Магазин животных доктора Зитбага в Трансильвании» всегда, когда захочу, и есть длинные лакричные конфеты с белой начинкой тоже всегда, когда захочу. Аминь.

Но я плохо сосчитала. Я сосчитала ужасно, и, не смотря на столько лет подготовки, я и представить себе не могла эту боль, которая вышвырнет меня из той жизни, которой я жила прежде. Которая выволочет меня за ногу в сторону, чтобы я не мешала жить другим людям, нормальным, которые живут без этой боли, от которой закладывает нос, мутнеет в глазах, которая затыкает рот и давит на плечи так, что ты больше не можешь, так, честное слово, что ты больше совсем не можешь. Папа тоже боялся, в самый худший момент он перестал верить в Бога. Кошмары смешивались у него с реальностью, он бредил, видел пауков, стал одержим деньгами. И перестал есть. Диетолог в больнице упрашивала его поесть, о том же просила психолог, просил Рамон, священник, просила я, его мышонок, но папа не открывал рот. Вечерами он смотрел телепередачу, в которой человек поглощал огромные бутерброды. У папы были голодные глаза, но в его рот не попадало ни крошки хлеба. Пока он смотрел, как едят, я ходила по коридору на этаже из одного конца в другой, что-

бы убить время. Мне хотелось только одного — вернуться домой, но куда домой? — и погладить Фриду по животу.

Я хотела опять жить отдельно, но у Дианы, которая тоже хотела жить отдельно, не хватало на это денег. Она говорила, что я Весы, а она Лев, и мы можем постоянно находиться вместе, я ей не надоем, а она внесет в мою жизнь логику. И мне такой обмен всегда казался удачным. Моя мама звала нас Пили и Мили¹, а Дианина — Двумя Мариями². В университете мы вместе спали в сиесту и просыпались, вдыхая запах слюней друг друга. Ее пахли горячим шоколадом от какао с молоком, мои — картофельными чипсами и брекетами. Мы старались все делать вместе, а если не могли, то старались держаться как можно ближе друг к другу. Например, мы с Дианой учились на разных направлениях, но я ходила в библиотеку на ее факультет, хотя она была меньше и там было холоднее, а она ходила в столовую на мой, хотя это был философский факультет. Например, если у меня было свидание с мальчиком, она шла со мной и следила, пока я не решусь подойти к нему, а потом ждала дома, чтобы сказать, что он ей

¹ Близнецы, звезды киножанра «поющих детей-вундеркиндов», популярные в 1960–1970-е годы (*здесь и далее — прим. перевод.*).

² Сестры из Сантьяго-де-Компостела, на протяжении тридцати лет совершавшие прогулки в одно и то же время.

не нравится и мне не подходит. Но, Диана, он мне понравился. Ну а мне нет. Но мы пока с ним толком не познакомились. Нет, нет и нет. Например, хотя у меня в Сантьяго-де-Компостела была маленькая и сырая, но отдельная студия, ночевала я всегда на матрасе рядом с ее кроватью в квартире, где она жила с еще двумя студентками, одна из них готовила курицу, чтобы не растолстеть, а вторая вытирала нож с остатками шоколадно-орехового крема о край столешницы. Диана писалась мне на лицо, вставая ночью в туалет, будила меня, разговаривая во сне, пугала меня скрипом матраса, звучащим, как мышиный писк. Потому что Диане и в голову не приходило лечь в кровати как-нибудь иначе. Она все делала с размахом. И любила меня так же. А я ее любила так, что у меня грудь распирало, как волынку. Диана называла меня Маринадор. Мы ужинали диетическим печеньем с молоком и смотрели порно или передачи про таро на местном телевидении. Кроме воскресных вечеров. По воскресеньям мы возвращались в Компостелу после выходных, проведенных у родителей, толкая чемоданы так, как будто везли в них камни, с запахами рагу и моря, прилипшими к одежде, а в голове еще не умолкли слова: укройся пледом поверх одеяла, будет холодно; ты хорошо питаешься? Наша кожа еще розовела от теплых объятий наших матерей, а мы уже опять оставляли чемоданы в квартире Дианы. Потом шли в бар под домом, «Дон

Боката», поужинать двумя бутербродами — с овощами, сыром и яйцом для Дианы и с овощами без сыра и яйца для меня. На десерт флан со сливками для нее и, спасибо, для меня ничего, Диана никогда не наедалась, а я всегда была сытой. Диана разбирала чемодан в воскресенье, даже если ей до смерти хотелось спать, а мой наполовину разобранный чемодан стоял открытым в углу всю неделю, крича мне, что я уже большая и не хочу возвращаться к папе с мамой, но и оставаться здесь тоже не хочу. Я звала ее Дино. Я училась в библиотеке, а у Дианы шла кровь из носа. Как-то утром, сидя на ступеньках у входа, запрокинув голову, чтобы не глотать кровь, она мне сказала: у тебя красивое лицо. У меня?

Диана обладала той уверенностью в собственных силах, которой не было у меня, и делилась ею со мной. Диана не побоялась перейти на другой факультет, и я не побоялась поменять философию на журналистику. Диане ничего не стоило начать работать во франшизе по дизайну мебели и интерьера с очень строгими требованиями к макияжу и причёске, и я с легкостью согласилась на работу редактором текстов со специализацией на клиторальных стимуляторах, коктейлях, эмоциональном интеллекте или десяти лучших мест, чтобы поесть пинчос. Диана ничего не боялась, а я боялась всего, но рядом с ней немного меньше, потому что Диана могла быть Дианой и за себя, и за меня.

Я хотела пожить одна в большом городе после двух лет в деревне. Но сама не поняла, как уже сидела вместе с нею в гостиной, поперхнувшись соком, так что он вышел через нос, вспоминая переговоры с тем, кто теперь стал нашим домохозяином. Коробки, новые матрасы, мои виниловые пластинки, ее диски с сериалами. Незакрывающаяся перегородка в душе, и тарахтящий холодильник, и окна, которые не пропускают никаких звуков с улицы, кроме завывания сирен. Пять, десять, пятнадцать машин скорой помощи в день с воем сирен, с больными и их сопровождающими, которые не могут усидеть на месте, смотрят в календарь, распределяют время дежурств, одеяла, меню, заботы по уходу. Как поделить полки в шкафу? Мне те, что наверху, потому что я выше. И еще коробки для переезда, и португальские полотенца, и баночки с просроченными специями среди форм для запекания и индукционных кастрюль и сковородок для стеклокерамической плиты. Я поставила в свою комнату настольную лампу на гибкой стойке, а стены украсила билетами на концерты: Моррисси, Hidrogenesse, Патти Смит. Я убрала простыни домохозяина, оставалось только съездить за Фридой.

Возвращение к городской жизни означало, что мне придется самой решать, от чего скучать в следующий раз, что опять толпы людей будут мозолить глаза и что жизнь опять станет разнообразной. Хочу ли

я пойти на занятия керамикой или мне лучше поискать работу, где больше платят? Хочу ли я накопить денег или вслед за Дианой ходить на все вечеринки? Я хотела обосноваться в каком-нибудь городе и сказать сестре: видишь? неправда, что я не хочу жить рядом с вами, видишь? я кладу свою одежду в свой новый шкаф, хотя он все еще пахнет одеждой предыдущих квартиросъемщиков. И этот шум. Эта несчастная областная больница, которую видно из окна. От обилия воспоминаний у меня перехватывало дыхание, и я начинала дышать со свистом.

У меня есть: собака, подруга, мама, брат, сестра
и мертвый отец.

Это был не просто какой-то августовский вечер, а канун пиратского праздника, и муниципалитет Бейрамара сотрясался от хохота сеньор над стараниями алькальдессы сделать все красиво. А еще от того, как проверяли звуковое оборудование, тащили палеты, чтобы разложить на них, как на прилавках, изделия ремесленников, забивали стойки шатров для продажи осьминогов и ревели тюнингованными моторами мотоциклы парней, круживших вокруг аллеи в поисках самим им не понятно чего. Запах порта смешивался с запахом кожи и паприки. Море было спокойно, парк обрел новые цвета, и дети играли, не выпуская из пальцев слоеные пончики. Городок веселился, а я была рада, что больше тут не живу.

Я пошла на террасу, где сидела мама с Фридой и родственниками, теми, что из Нью-Йорка. Мне хотелось поскорее отвезти ее в наш новый дом. И хотя я и говорю тем, кто меня не знает, что я не из тех полоумных, кто разговаривает с собаками, в самом деле я как раз из тех полоумных, кто разговаривает

с собаками. Особенно со своей. Сначала эй, пссс, эй, сюда! потом ластушка, тссс, чшш, и, наконец, я позвала ее по имени: Фрида, Фридошка, Фридинья, Фридииии. Незадолго до того, как принты с другой Фридой заполнили футболки, подушки, тарелки, сервировочные салфетки, часы, блокноты, кружки и ежедневники, появилась эта брошенная охотником черно-белая собака с такими печальными глазами, что невозможно не отдать ей всю еду со своей тарелки. Фрида пришла в шахтерский поселок в горах Уэльвы с населением в триста двадцать девять человек, в котором я жила и откуда мне пока еще не хотелось уезжать, потому что я провела там только три месяца и все было таким новым, таким непривычным, таким солнечным. И, когда я уехала, она последовала за мной. И еще раз туда и сюда, на второй этаж без лифта, а потом на третий без лифта, а теперь с Дианой с двумя — двумя! — лифтами. Пойдем, Фрида, всего-навсего еще один город. И Фрида пошла за мной. Фрида, которая оближет тебе лицо, оближет живот, оближет ноги, оближет носки, если не найдет ног. Фрида, воплощение счастья, когда возвращаешься домой через четыре часа или через десять секунд, забыв кошелек. Фрида всегда со мной, даже если я принимаю неудачное решение.

И среди пронзительных звуков — ластушка-ластушка-ластушка, и как тебе тут было у бабушки?! — кто-то за соседним столиком не спускал с меня глаз.

Его взгляд был таким неотрывным, что казался почти нереальным. Так смотрят подростки, которые пытаются выразить взглядом все то, о чем никогда не отважатся сказать. Я села к родственникам и старалась не обращать внимания на этого человека, но по моей коже забегали красные паучки, и из-за них, как раздражение от укусов, слегка, почти незаметно, покраснели щеки, как будто у меня поднялась температура. Еще немножко, и я уйду, что может случиться? Этот незнакомец выделялся из толпы. Он был слишком красивым, слишком дерзким, слишком новым среди всего привычного. Он не сочетался с этим городком. Городок — это и есть городок, потому что он и не город, и не деревня, приморский городок с населением в двадцать четыре тысячи шестьсот тридцать семь человек, в котором люди постарше знают всех, а мы, молодые, вернувшись после учебы в другом месте, уже никого не помним. Мой городок, где я знаю только свою семью, потому что все мои подруги разъехались, а те, кто остался, уже не подруги.

Прошло всего три месяца с тех пор, как я вышла из междугороднего автобуса, вернувшись пожить летом у мамы, пока не найду себе жилье. Мне всегда становится скучно, и я всегда знаю, что мне будет скучно. Такое предвкушение скуки, как бывает, ты еще в гостях, но уже заранее испытываешь ностальгию по этому месту. Мне наскучил Пабло Розалес, моя первая любовь, который мне так нравился, что в на-

ших играх мы имитировали, — веря в то, что позже ими станем, — папу и маму. Однажды в парке я упала с велика, у меня порвались колготки и из коленок пошла кровь. Пабло Розалес рассказал об этом своей маме и попросил ее вылечить меня. А как иначе, она ведь медсестра. Пластыри были без рисунков, но все равно действовали. Он пригласил меня к себе поиграть в Могучих рейнджеров, и в его комнате, в которой пахло совсем не так, как в моей, и где мы играли совсем не так, как играю я или мой двоюродный брат, мне наскучил Пабло Розалес. Когда я впервые пошла в Бейрамаре на хардкор-группу под названием Riot Echo, нас, зрителей, было шесть человек, и исполнитель позже со мной познакомился. На следующий день мы встретились, и он посоветовал мне посмотреть «Крестного отца». Предвкушение скуки. Но я сказала, да, я зайду к тебе. Холодной рукой он дал мне три диска с пиратскими копиями фильма и поцеловал меня. Я отстранилась и сказала ему на ухо, что ничего не выйдет. Почему? Потому что мне всегда становится скучно, не знаю. Он продолжил меня целовать. Через два месяца мне стало скучно. Я тебе говорила. Да, да, знаю, но все равно обломно. Несколько лет спустя я проезжаю четырнадцать часов на автобусе в Андалусию в шахтерский поселок с рюкзаком и чемоданом, обнимаю его на остановке и уже знаю, что умру со скуки. Но после этой поездки, после стольких надежд и стольких стара-

ний стать такой, какой, как мне казалось, я должна быть, — имитация — ну, должна же я была попытаться, и под конец я его полюбила, и под конец я даже стала им немного восхищаться, и что ж, через два года еще четырнадцать часов на автобусе обратно.

Хотя я уже несколько лет не жила в Бейрамаре, я знала, что человек, который так смотрел на меня, не оттуда. Большие очки в пластиковой оправе, волнистые волосы чуть ниже мочки уха, черные плиссированные брюки, свободная белая футболка и кроссовки «Найк» на воздушной подушке. Слишком взрослый для такого количества новых татуировок. Я смогла различить только изображение, похожее на перформанс Абрамович с натянутым луком и Улаем со стрелой. Он мог быть архитектором, или арт-куратором, или графическим дизайнером, или любовью всей моей жизни. Пока я сидела с мамой и родственниками из Нью-Йорка, мужчина отводил от меня взгляд только тогда, когда разговаривал со своими спутниками. Он разговаривал на галисийском там, где говорить на галисийском считается дурным тоном, потому что это язык моряков, деревенских жителей или националистов. Он разговаривал на галисийском, и разговаривал красиво, неторопливо, разговаривал на нем руками, движениями своего квадратного подбородка, говорил так, будто прожевывал каждое слово. Я рассказывала родственникам, что машину Дианы забрали на штрафстоян-

ку, и украдкой поглядывала на него, что на выходных потеряла на вечеринке сумку, меня завораживало его лицо, что пробыла в полицейском участке до семи утра, потому что мне были нужны ключи, чтобы не будить маму, и я почему-то не прекращала рассказывать о своих несчастьях и глядеть ему в глаза. Мне хотелось, чтобы они засмеялись, по крайней мере пока он сидел за соседним столиком, а у меня по груди бегали паучки.

Перед тем как сесть в фургон со своими спутниками, он еще раз взглянул на меня. Сразу после этого мне стало стыдно, но я ему улыбнулась — и улыбнулась во весь рот, обнажив зубы, так мне хотелось, чтобы он вышел из машины, опять сел неподалеку от меня и позволил посмотреть на него еще чуть-чуть, совсем капельку. Я хотела запомнить, как он выглядит, и представлять его остаток лета. Но фургон тронулся с места.

По дороге на автобусную остановку мама говорила, надо же, как хорошо выглядит твоя тетя; что Фриде я дала одну котлету, только одну, ничего? Я ей не сказала, но, мама, ты же знаешь, что ей нельзя это есть, я ей этого не сказала, потому что мимо нас проехал фургон и в нем был он, пристально глядящий на меня, а я натянуто улыбалась. Если бы паучки были настоящими, они искусили бы меня до крови.

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ЛЮСИЯ СОЛЪЯ СОБРАЛЪ
ЦВЕТЫ НА УЖИН, ЦВЕТЫ НА ОБЕД

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Ирина Львова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,74. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®.	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-41985-01-R